

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРИИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1823.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

§ XXXI *).

Бѣлоруссія.

Перевалившись въ новоприобрѣтенный Бѣлорусскій край, мы удивились, увидя безконечную аллею, по которой ѣхали, усаженную съ обѣихъ сторонъ по два ряда березками, и спѣшили добѣжать ея конца; но въ большему нашему удивленію и путевой радости, узнали, что это была большая почтовая дорога, прорѣзанная правильно по распоряженію и повелѣнію бѣлорусскаго тогдашняго главнокомандующаго, а потомъ бѣлорусскаго государева намѣстника графа Захара Григорьевича Чернышева**).

Смотря на проѣзжаемый нами, сосновой лѣсъ, на новопостроенные почтовые дома, на исправную почтовую упряжку и хорошихъ лошадей, которыхъ намъ вездѣ запрягали расторопно,

*) См. «Русскую Старину». Т. III, изд. 1871 г. стр. 119, 247, 395, 562 и 649. Ред.

***) Теперь извѣстны уже во всей имперіи бѣлорусскія большія дороги. И хотя они въ послѣдующія времена довольно измѣнились, однако-жъ вида и основанія своего не потеряли. Сей, златыхъ для Россіи временъ, вельможа и патриотъ, доказалъ, что, ему легче было созидать, нежели другимъ созданное поддерживать. А можетъ-быть это и потому, что онъ имѣя отъ государыни императрицы полную довѣренность, имѣлъ силу не допускать никого вмѣшиваться въ его распоряженіи.

Г. Д.

не говоря напередъ даже ни о прогонахъ, ни о подорожной; на обмундированныхъ въ куртѣи зеленого сукна почталіоновъ, съ мѣдными на каскахъ со лба гербами, а съ затылка номерами *), на прочные, и даже красивые, во всю широту дороги, мосты, я столько былъ простъ, что даже и не помыслилъ, что все, видимое нами, есть плодъ дѣятельности и образованнаго вкуса главнокомандующаго російскаго графа Чернышева. Напротивъ, я изъ сихъ видимыхъ предметовъ, заключалъ, что по приѣздѣ въ первой бѣлорусской городъ Рогачевъ, мы увидимъ великолѣпныя зданія. Доказательство, что я ни малѣйшаго не имѣлъ свѣдѣнія о политическомъ состояніи польской республики; слѣдовательно и не зналъ, что я вѣхалъ въ край, бывшій недавно подъ владѣніемъ—какъ одинъ свѣту извѣстный писатель сказалъ—ста тысячъ королей, кои просвѣщены монахами, уврѣжены союзами съ народомъ іудейскимъ, на счетъ своихъ подданныхъ, дивихъ еврейцевъ, непримиримыхъ враговъ труду и трезвости.

Приблизившись въ городу, мы увидѣли обыкновенную деревню, а вѣхавши въ него, нашли лутчее изъ всѣхъ, строеніе: новой почтовой домъ, выстроенной по новому общему плану. Но какъ обстоятельства дѣла нашихъ требовали здѣсь приостановиться, то мы едва нашли у одного изъ жидовъ квартиру, въ которой можно было укрыться отъ дождя, но не отъ смраду и не отъ таракановъ.

Я, неимѣя больше чѣмъ заняться, прошолъ и обошолъ раза три городъ, и всегда видѣлъ тѣже мужицкія хижины и жидовскія карчмы, погруженныя въ вѣчную грязь и навозъ. Въ пустомъ замѣ, заросшемъ высокою травою, одна уніятская церковь, а среди города на песчаномъ бугру, другая; на возвышенномъ берегу Днѣпра, базилианской деревянной, старой, бѣдной кляшторъ, и баталіонная малая церковь. Все сіе публичное зданіе, бѣдное и ветхое, кромѣ баталіонной церкви, построенной вновь

*) Съ 1797 года зеленыхъ куртокъ и касокъ съ гербами уже нѣтъ; а въ 1804-мъ году случилось мнѣ видѣть съ балкона нашего департамента, какъ бѣлорусскій военный губернаторъ Михельсонъ, возвращаясь изъ Могилева вѣхалъ по Витебску. Въ большую его карету, множество надѣвлено было малыхъ мужичьихъ лошадей, какъ овецъ. Почталіоны въ крестьянскихъ шапкахъ, безъ поясовъ, безъ шапокъ, босикомъ. — 1808 г. Іюль. Г. Д.

слорою руною, на подобіе анбара съ окнами, которая кромѣ новости ничего не имѣла. Храмы сіи дополняются прихожанами изъ деревень, а для жидовской синагоги, довольно и городскихъ (іудеизмъ *) одни только воды даютъ сему мѣсту преимущество предъ многими городами. Съ одной стороны Днябрь, а съ другой Друць слилися вмѣстѣ, и при самомъ соединеніи, образовали изъ твердой земли острой влиизъ, или по географически мыслъ, по-русски носъ, по-бѣлорусски рогъ, отъ чего вѣроятно и городъ, поселившійся на сей много-имянитой земли, получилъ названіе Рогачева. Повеже время сіе было еще до открытія губерній, по образу учрежденія Екатерины Великия, то гражданское правительствовало состояло изъ провинціальной канцеляріи, въ которой чиновники: воевода, товарищъ, прокуроръ и два секретаря съ канцелярскими служителями. Въ особой канцеляріи уѣздной комиссаръ, отправляющій должность полицейскую въ городѣ и въ уѣздѣ, таможня съ чиновниками и служителями, и комендантъ съ семействомъ и малою командою, а баталіонъ по деревнямъ.

Узнавъ, что весь городъ состоитъ на казенномъ жалованьи, слѣдовало, по порядку, видѣть кого-нибудь изъ сихъ благородно-вочующихъ, а особливо упомянутого мною въ первой части г-на Звягина. Мы пошли на другой день послѣ полудни, около 5-го часа, въ его квартиру, и Луцевинъ долженъ былъ принять на себя шербенство. При началѣ свиданья со Звягинымъ, онъ напомнилъ о своемъ малолѣтствѣ, о своей фамиліи и знакомыхъ, потому что Звягинъ давно уже съ своей родиной отлучился. Потомъ наименовалъ своего товарища. Звягинъ принималъ насъ довольно пріятно, и мы всѣ трое вступили въ рѣчь. Хозяинъ пожелалъ знать причину путешествія посѣтителей своихъ. Мы объявили, что ищемъ службы и проч. Онъ отвѣчалъ:

— «Вы благородумно дѣлаете, вы еще люди молодые**), всего

*) Уже въ теченіе долголѣтней моей въ Бѣлорусіи службы, узналъ я изъ опыта, что въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, пять только городовъ: Могилевъ, Полотскъ, Витебскъ, Невель, Велижъ; прочіе всѣ—довольно похуже Рогачева, кромѣ Орши и Мстиславля.

Г. Д.

**) По моему разсудку: молодой человекъ, въ нашемъ климатѣ, лѣтъ отъ 17-ти до 24-хъ. Къ удивленію, меня даже и тогда называли молодымъ человекомъ, всегда мнѣ было за 35 лѣтъ. Ежели это по молодавому лицу, то не худо. А ежели жаловали меня молодымъ изъ снисхожденія къ молодому разсудку, то невольно.

Г. Д.

можете надѣяться и все еще передъ вами. Чего досѣднисья дома? Я, также какъ вы, пустился на волю божию. Благодарю Бога, случай наполь мнѣ знакомаго благодѣтеля Сергѣя Козмича Вязмитинова; онъ еще будучи въ пансіонѣ, зналъ меня, какъ я былъ повѣтчикомъ. Онъ, теперь будучи при главнокомандующемъ бѣлорусскими губерніями, генералъ-фельдмаршалъ графъ З. Г. Чернышевъ, генер.-адъютантомъ, доставилъ мнѣ теперешнее мѣсто».

— Позвольте, перервалъ я, не изъ рыльскихъ ли онъ помѣщиковъ? Я тамъ знаю подпоручика Ивана Козмича Вязмитинова, не свои ли они?

— «Это братъ его младшій, отвѣчалъ Звягинъ. Онъ теперь майоромъ, и находится здѣсь въ Рогачевѣ уѣзднымъ комиссаромъ», и потомъ продолжалъ, какъ-будто желая упредить наши вопросы: «Наши таможенные должности, какъ всѣмъ извѣстно, могутъ подкрѣпить состояніе человѣка осторожнаго, знающаго долгъ службы, и важность присяги, человѣка имѣющаго честь; но, для жаждущаго набогатиться, наши должности скользки и пагубны. Благодарю Бога, я, держась моихъ правилъ, не былъ во всю службу ни подъ судомъ, ни подъ отвѣтомъ, да уповаю, что и никогда себя до того не допущу».

Мнѣ весьма понравилась мысль и бесѣда Звягина. Луцевинъ мой спросилъ: «полонъ ли при васъ положенной комплетъ?»

— «Полонъ», отвѣчалъ г. Звягинъ, «но будетъ ли онъ полонъ завтра? или будетъ ли онъ завтра тотъ же, или на мѣсто его другой? Не ручаюсь. Опредѣленіе въ таможенію чиновниковъ и служителей зависитъ отъ губернатора. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ полнеръ мой лишился мѣста; ему велѣно явиться въ Могилевъ, для опредѣленія его къ другой, неизвѣстно какой, должности. На мѣсто его присланъ вашъ одноземецъ, сѣвской уроженецъ г. Хамбинъ; а теперь говорятъ, что и на мѣсто его назначенъ уже другой».

— Отъ чего же такъ? спросилъ я.

— «Оттого» отвѣчалъ г. Звягинъ, «что губернаторъ, по новости края и разныхъ заведеній, отъ каковыхъ внутреннія губерніи свободны, обремененъ несказаннымъ множествомъ бумагъ. Ему едва стаетъ время на выслушаніе ихъ, и на подписаніе исполненій по своимъ приказаніямъ; а правитель его кан-

целярии г. Алѣевцевъ въ этой мутной водѣ ловить рыбу. Подносить губернатору въ подписанію между бумагами что хочеть, и носить подписанные ордера въ карманѣ, на секретарскіе чины и на таможенныя должности, которые, смотря по мѣрѣ пользы, употребляетъ въ дѣло, или уничтожаетъ».

— Не уже ли это не доходить до губернатора?

— «Жаловаться на него никому не полезно. Губернаторъ самъ говоритъ, что Алѣевцевъ огорчить его единожды, а десять разъ ему надобеть. Случалось, что этотъ способной въ дѣлу гуляка посланъ бывалъ на гауптвахтъ, для содержанія на лѣбѣ и водѣ, но на другой день опять оттуда требовался въ должности, потому что губернаторъ не находить въмъ его замѣнить, хотя и много при немъ секретарей».

— Стоитъ ли онъ этого мнѣнія, какъ губернаторъ объ немъ изъясняется?

— «Стоитъ. Человѣкъ способной въ дѣлу, уменъ, и доброй человѣкъ, пока не загуляетъ *)».

Я спросилъ Звягина:—Кто таковъ изъ Сѣвска Хамкинъ? мнѣ давно случалось тамъ видѣть какого-то купца Хамкина, не молодого уже человѣка, которой охотникъ еще и пѣтъ въ церкви громкимъ голосомъ, теноро-басистымъ.

— «Да онъ-то и есть,—отвѣчалъ Звягинъ,—онъ и здѣсь не умолкаетъ. Теперь онъ губерньскимъ секретаремъ, по милости Алѣевцева».

При семъ вошелъ человѣкъ, лѣтъ почти равныхъ директору, благообразенъ и пріятнаго себорота. Это былъ таможенной касиръ г. Киселевскій. Звягинъ, показывая ему на насъ, сказалъ: «это наши одноземцы, одинъ изъ Сѣвска, другой изъ Рыльска, оба господа канцеляристы».

Кис. Радуюсь, хоть и не имѣю чести знать. Да какъ намъ другъ-друга знать? Они люди молодые, а я семнадцать уже лѣтъ какъ Сѣвскъ оставилъ. Слышали-ль вы про воеводу Николая Юрьевича Ржевскаго?

Я. Я его видалъ, но очень слабо помню за моимъ малолѣтствомъ.

Кис. Я у него былъ камердинеромъ и дядьбою при дѣтяхъ,

*) Зачеркнуто: «не запилъ».

потомъ, по милости его, получилъ вольность, и чрезъ императорской воспитательной домъ—шпагу. Теперь, какъ видите, я здѣсь при должности *).

Я. Хотя разстояніе времени не позволило намъ знать васъ въ Сѣвскѣ, однако-жъ мы тѣмъ не меньше счастливы, что теперь, на чужой сторонѣ, находимъ себя между своими. Просимъ насъ полюбить, а мы это будемъ заслуживать.

Послѣ сихъ искреннихъ и для насъ очень нужныхъ изъясненій, мы всѣ трое перецѣловались — какъ водится въ мірѣ — и тотчасъ увидѣли человѣка входящаго въ двери, во фракѣ сѣро-свѣтлаго камлота, волосы у него забачены въ пучокъ съ полъфунтомъ пудры, лѣтъ и росту среднихъ, хорошо раскормленного, лица бѣловураго и не сухого, и собою красика. Онъ поклонился нѣсколько мѣховато, и съ нерадѣніемъ.

— «Милости просимъ князь, сказалъ хозяинъ. Гдѣ-жъ погуляли ваше сіятельство?»

— Во славномъ во городѣ Рогачевѣ, отвѣчалъ избалованно-образной человѣкъ.

— Что за дьявольщина — подумалъ и и взглянулъ на Луцевина — городъ похожъ на скотной дворъ, а въ немъ гнѣздятся князья.

— «Это мои земляки, сказалъ хозяинъ, указывая князю на насъ.

— Что не къ намъ-ли прибѣжали? спросилъ князь.

— «Куда трафится», отвѣчалъ за насъ хозяинъ.

Между тѣмъ подали чай, и мы, выпивши по чашкѣ, откланялись.

Хорошая погода захотила насъ пошататься еще нѣсколько времени по берегу Днѣпра, и непримѣтно завернуться и проходить опять мимо квартиры Звягина. Тутъ намъ встрѣтился **) выходящій князь.

— «Что господа прибѣжіе?— остановилъ онъ насъ вопросомъ — знаете-ль вы князя Алексѣя Ивановича Горчакова? Онъ здѣсь прокуроромъ и съ вами теперь говорить.

*) Этотъ Киселевской былъ человѣкъ очень хорошій, приятной, скромной, вѣжливой; я для того не могъ обойтись безъ сей объ немъ ремарки, что познакомившись съ нимъ дружески и находясь уже при должности въ Могилевѣ, смерть его послѣдовавшую вскорѣ, не могъ я перенести безъ чувствительной горести.

Г. Д.

**) «Встрѣтился» вмѣсто зачеркнутаго: «наткнулся въ встрѣчу».

— За честь почитае́мъ, отвѣчалъ я.

Кн. «Я слышалъ, вы хотите опредѣлиться къ мѣстамъ. Да что вы тутъ сыщете въ провинціальной канцеляріи? тутъ, братъ, за чинки-та надобно кланяться воеводѣ, а въ Могилевѣ будешь ты дарить Алѣевцева. А ежели вы опредѣлитесь къ моимъ прокурорскимъ дѣламъ, такъ я прямо объ васъ напишу къ генералъ-прокурору, и вамъ сенатъ пришлетъ патенты на чины. Вы подлѣ моей квартиры остановились, я знаю, приходите завтра ко мнѣ обѣдать».

Послѣднія его слова похожи были на дѣло; мы поблагодарили его сіятельство, и расстались.

— Какъ ты думаешь объ увѣреніяхъ этого князя? спросилъ я Луцевина.

Луц. отвѣчалъ: «Мнѣ кажется онъ князь простой и на слова его полагаться нельзя».

— Такъ поэтому всегдѣ лучше — сказалъ я — что мы завтра будемъ у него обѣдать.

За симъ и вечеръ и ночь протекли.

По утру, вѣжливость требовала быть у князя съ почтеніемъ. Онъ повторилъ намъ приглашеніе въ обѣду. Отъ него разсудили пойтить къ полнеру Хамкину, единственно для того, что онъ одностепецъ. Хамкинъ, старикъ здоровой и крѣпкой, при первомъ взглядѣ вскричалъ:

— А! здорово молодцы! Я васъ вчера не много не засталъ у Петра Савича Звягина, вы только что передо мною ушли.

Мы рекомендовались ему какъ пришлось. Онъ жилъ съ семействомъ, и скоро спросилъ насъ: «вы канцеляристы? у насъ бывало въ Россіи канцеляристы люди умные, дѣловые, старики, а вы люди молодые».

Мы не знали, какъ думать объ этомъ неясномъ смыслѣ, хвалить ли онъ насъ, или бранить? Можетъ быть подъ другое мы, по справедливости, ближе бы подходили; но мы на ту пору не расположены были выслушивать ни лжи, ни правды, ни грубости, ни лести. Онъ объявилъ о себѣ, что онъ имѣетъ чинъ губернскаго секретаря и что сынъ его Егоръ, такъ же благородной человѣкъ, провинціальной секретарь. Потомъ протянулъ, онъ руку въ картинѣ, вытащилъ изъ-за рамы папеты и читаетъ: «Его благородію Ивану Семеновичу Хамкину».

— «Это отъ Василя Яковлевича Алѣевцева».

Потомъ вытянулъ тѣмъ же порядкомъ другой и тоже повторилъ. Намъ не разсудилось у него пробыть больше, откланялись и пошли.

Луцевинъ, по выходѣ, меня спросилъ: Какъ я думаю о полнерѣ Каменнѣ?

Я отвѣчалъ:—Онъ на эту пору счастливой скотъ; и мнѣ кажется, что онъ, съ теперешняго овса и сѣна, скоро сядетъ, по долгу службы и присяги, на ржаную солому.

Луцевинъ отвѣчалъ: «Да, ему надобно этава ожидать».

Пророчествуя такимъ бразомъ, о чужихъ судьбахъ, и не зная своей, добрался мы до квартиры уѣзднаго комиссара, маіора Вязмитинова. Время было около 10-ти часовъ утра. Мы нашли его еще не причосанаго. Послѣ первыхъ нашихъ ему привѣтствій, онъ тотчасъ узналъ во мнѣ знакомое ему лицо, и припомнилъ бытность въ домѣ его отца Сѣвскаго преосвященнаго со всѣмъ штатомъ. Потомъ сказалъ: «да вы уже третій день здѣсь!» а къ Луцевину: «вы вѣдь самой меньшій изъ братьевъ. Кажется я васъ видалъ маленькаго еще, въ Рыльской канцеляріи,» проч. Потомъ онъ, видя что мы хотимъ откланяться, сказалъ: «вы здѣсь люди завязкіе, не отобьдете-ль у меня запросто, что Богъ послалъ?»

Я поблагодаря, отвѣчалъ, что «очень жалѣемъ, что принуждены лишиться на этотъ разъ нашего удовольствія; насъ пригласилъ князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.»—«Какъ вы такъ скоро познакомились?» спросилъ Вязмитиновъ съ перемѣною лица. А мы обращая все въ свою пользу, вышедши порадовались, что нами дорожать, если ревнуютъ.

Мы отсель пошли на квартиру, и соображая нашими разсужденіями все видѣнное нами въ Рогачевѣ, и такъ же слышанное отъ г-на Звягина, истребили на вѣчныя времена охоту къ должностямъ таможеннымъ.

Между тѣмъ, чѣмъ ближе приходило время къ обѣду, тѣмъ чаще мы посматривали въ окна и напоследокъ увидѣли князя, проходящаго изъ канцеляріи домой, и за нимъ выскочили вмѣстѣ съ повлонами.

Князь дома показался намъ еще лутчимъ, нежели вчера на улицѣ; можетъ быть и обѣдъ не мало въ этомъ участвовалъ. На столъ поставлено было только четыре вушанья, но въ найлут-

чемъ вкусѣ, въ изобильномъ количествѣ; и столовой приборъ вообще былъ самой чистой, за которой и бояре царя Владиміра не нашли бы причины къ упрекамъ *).

За столомъ сидѣло насъ четверо: хозяинъ съ нами и его любовница Параша, дѣвка чернобровка, нѣмецкой таліи, греческаго лица; вѣтренаго, слѣдственно и не грубаго свойства. Послѣ обѣда, княжой слуга Никаша заигралъ на гусли, а Параша принялася пѣть, и пѣла довольно хорошо. Пѣсни нѣкоторыя мнѣ были знакомы. Я не пропустилъ случая**) показать, что я по этой части человѣкъ не безъ дарованія. И мы подняли такой концертъ, что князь, Параша и насъ двое разшумѣлись словесно и пѣсенно, какъ будто уже давно были знакомы, или давнее знакомство возобновляли.

Спустя два часа послѣ обѣда, мы откланялись и пошли на квартиру. Луцевинъ, по молодости и по натурѣ, вѣрѣшко заснулъ; а я, по моей натурѣ, пошелъ по городу, по окружавшему его лѣсу, по берегамъ Друци и Днѣпра, и возвращаясь около 6-го часа пополудни, зашелъ въ Вязмитинову. Онъ уже слышалъ отъ Звягина о причинѣ нашего странствованія, а теперь пожелавъ слышать отъ меня самого, былъ благосклоненъ сязать мнѣ:

— «Я охотно-бы вамъ помогъ, но при мнѣ нѣтъ мѣста выгоднаго по штату, кромѣ одного сто-рублеваго, которое, на прошедшей недѣлѣ, очистилось смертію бывшаго при мнѣ канцелярскаго слугителя. Ежели-жъ вамъ нуженъ больше оберъ-офицерской чинъ, нежели жалованье, то я вамъ обѣщаю его выпросить. Ежели бы не здѣлали для меня, здѣлаютъ для брата, которой, какъ вы уже знаете, при графѣ генер.-адъютантомъ».

По всеобщему мнѣнію, первымъ счастіемъ браковать не надобно, потому что оно, мстя за себя, въ другой разъ не является; почему и отвѣтъ мой былъ: «извѣстно вашему высочествоблагородію, что въ Россіи человѣкъ безъ чина, можно сязать, человѣкъ безъ званія; и ежели будетъ ваша ко мнѣ милость, то я другою мѣсто и пособія не ищу».

*) Бояре великаго и потомъ равноапостольнаго князя Владиміра, подгулявши у него на пиру, и по образу нравовъ и политики тогдашнихъ временъ, упрекали его, что они ему завоевали много земель съ серебромъ и золотомъ, а онъ ихъ кормитъ на деревянныхъ ложкахъ.

**) Зачеркнуто: «оказаніи».

Вязмитиновъ сказалъ: «Ну, такъ дѣло здѣлано! напиши просьбу по формѣ, завтра подадимъ ее въ провинціальную канцелярію. Она нашетъ ко мнѣ указъ о опредѣленіи тебя на имѣющуюся при мнѣ ваканцію, а между тѣмъ, я упрежду о семъ воеводу».

— Позвольте намъ, сказалъ я Вязмитинову, съѣздить послѣ подачи просьбы въ Могилевъ.

— «Что тебѣ тамъ дѣлать?»

— Только, чтобы знать свой губернской городъ, и, если случится впередъ туда за чѣмъ, чтобы онъ былъ знакомѣе; а къ тому же, мы съ товарищемъ хотя и намѣрены были служить при одномъ мѣстѣ, однако-жъ для него здѣсь, повидимому, ничего не случится; то надобно ему постараться о себѣ въ Могилевѣ.

— «Да что ты объ немъ суетишься? Знаешь ли ты его поближе? Я слыхалъ въ Рыльскѣ и въ Путивлѣ, что онъ о сю пору успѣлъ уже заниматься ябедническими дѣлами.»

— Я этова не слыхалъ, однако-жъ это можетъ быть и правда, и быть можетъ, что онъ имѣетъ своихъ недоброжелателей, впротчемъ, мы еще оба съ нимъ не устарѣли. Время научить, какъ съ людьми жить на свѣтѣ.

— «Да ты ему не говори — сказалъ мой благодѣтель съ благоразумною предосторожностью — можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ не все правда, что люди врутъ. Ну такъ ѣдешь въ Могилевъ?..»

— Надобно съѣздить.

— «Хорошо, привези же мнѣ оттуда ведро или два вишенъ; тамъ они нынѣшнее лѣто зародили, а у насъ ихъ никогда нѣтъ.»

Напившись вечерняго чаю, поблагодарилъ я чувствительно моего благодѣтеля, и пришедъ на квартиру, пересказалъ все моему сопутнику, что случилось со мною во время его сна, — исключая мнѣнія объ немъ Вязмитинова. Онъ все слушалъ съ довольномъ равнодушіемъ, но предположенное путешествіе завтра въ Могилевъ, одобрилъ горячо.

На завтра я пошолъ къ Вязмитинову съ заготовленною просьбою. Онъ мнѣ сказалъ, что воевода упрежденъ отъ него вчерашняго же вечера. Итакъ, одѣвшись, взялъ онъ меня съ собою часу въ 10-мъ въ провинціальную канцелярію, гдѣ принялъ отъ меня воевода просьбу, сидя на своемъ мѣстѣ, и прочитавъ, сказалъ: «Очень хорошо! намъ добрые люди надобны».

Не трата времени, мы взявши подорожную, севодни-же выѣхали въ Могилевъ, и вездѣ по дорогѣ видѣли гѣже почтовые дома, упряжку, обмундированныхъ почталіоновъ и ту же дорогу. Уже мы знали, что все это есть плодъ труда и вкуса графа Чернышева, а потому, изъ одной ошибки, впали въ другую. Намъ казалось, что, гдѣ графъ Чернышевъ, тамъ непременно долженъ быть другой свѣтъ, имъ самимъ образованной, или по штату ему положенной.

Въ Могилевѣ насилу мы нашли квартиру, немногимъ чѣмъ почище рогачевской, потому что лучшія жилища заняты были графомъ со штатомъ, губернаторомъ, штатскими чиновниками, канцелярскими служителями, воинскими чинами, наѣзжими помѣщиками и просителями; въ отдаленныхъ же отъ центра города домахъ намъ останавливаться не хотѣлось.

Мы, по обыменовенію моему, предприняли обозрѣть мѣсто, чтобы знать, гдѣ мы находимся; однако-жъ одного утра для насъ, по причинѣ обширности селенія, было мало, и мы, не кончивши своего курса, почувствовали надобность возвратиться къ заказанному нашей хозяйкѣ обѣду, а послѣобѣденное время употреблено было на окончаніе нашего обозрѣнія. На другой день мы, одѣвшись, хозяйкѣ обѣда готовить уже не заказывали, потому что онъ показался намъ мѣщановатъ; но походивши, пошли въ трактиръ, гдѣ за супъ и за дурной соусъ изъ вчерашняго жаркова, и за жаренаго цыпленка, съ салатомъ, взяли съ насъ тридневное наше содержаніе. Ожогшись платою за обѣдъ дурной, мы уже не видали мѣщанскаго обѣда.

Сей день послѣобѣденное время употреблено на размышленіе. Три задачи подлежали нашему рѣшенію, три точки были нашими предметами: 1-е) Луцевину нужно было въ настоящемъ времени вступить въ службу*); 2-е) при открытіи намѣстничества попасть обоимъ въ росписаніе не на низвія въ губернскомъ городѣ канцелярскія мѣста; а, между тѣмъ, 3-е) стараться не упускать случаевъ къ приобретенію чиновъ **). Слѣдующій за симъ былъ день воскресный. Мы одѣвшись, сколь можно, почище, приче-

*) Зачеркнуто: «въ должность».

Ред.

***) Губернатору, для привлеченія въ новый край въ должностямъ людей, дана была власть жаловать въ штатскіе оберъ-офицерскіе чины до губернскаго—включительно—секретаря.

Г.

Д.

савшись и припудрившись во всю моду, направили путь свой въ квартирѣ вице-губернатора Воронина, куда, по вчерашнему еще нашему плану, Луцевинъ долженъ взойти съ протчими поклонниками, и дать себя примѣтить, а ежели трафится, то и представить себя и изъясниться *). Исполняя сіи намѣренія, Луцевинъ взошелъ во 2-й этажъ, а я пошелъ шататься по городскому валу, и ожидать его тамъ по здѣланному условію. Онъ вскорѣ появился.

— Я нетерпѣливо хочу знать, сказалъ я, есть ли что доброе?

Луц. Все хорошо случилось. Дѣло въ шлягѣ!

Я. По этому все сдѣлано?

Луц. Лишь только я выступилъ и повлонился, то вице-губернаторъ взглянувъ на меня, спросилъ: вы не имѣете-ль во мнѣ дѣла?—Я ищу службы штатской, отвѣчалъ я.

Виц.-губ. Какъ вы по фамиліи?

Луц. Луцевинъ.

Виц.-губ. Луцевинъ? такъ—вы изъ Россіи? а не знаете-ль вы подполковника Луцевина, Петра Алексѣевича?

Луц. Это мой дядя родной.

Виц.-губ. Гдѣ-жъ онъ теперь? здравствуетъ ли онъ?

Луц. Въ Таганъ-Рогъ, при должности, здравствуетъ.

Виц.-губ. Мы съ нимъ однополчане и пріятели. Да что-жъ онъ обо мнѣ **) позабылъ?

Луц. Я поѣхалъ сюда изъ Сѣвска***), которой отъ Таганъ-Рога въ дальнемъ разстояніи. Отъ сего времени, я надѣюсь, что онъ, по увѣдомленію моему, будетъ имѣть честь писать въ вашему высокородію ****).

Виц.-губ. Служилъ ли ты гдѣ? Имѣешь ли абшитъ отъ команды?

*) До открытія въ Бѣлоруссіи намѣстничества, вице-губернаторы имѣли 4-й классъ—хотя бы и за-урядъ. Присутствовали вмѣстѣ съ губернаторомъ, и имѣли подъ своею дирекціею и распоряженіемъ канцелярскихъ чиновъ. По сему и поискъ счастья надлежало начать съ вице-губернатора. Г. Д.

***) Зачернуто: «про меня». Ред.

****) Зачернуто: «изъ Рыльска». Ред.

*****) Луцевина послѣ сего добрые люди остерегли, чтобъ онъ впередъ не говорилъ высокородіе, а превосходительство; ибо хотя Воронинъ и бригадиръ, однакожъ «за-урядъ генераль-маіоръ», почему онъ крайне не любитъ, если его кто величаетъ по чину, а не по мѣсту, и часто за это съ просителями бранится. Г. Д.

— Я канцеляристъ. Имѣю аттестатъ.

Виц.-губ. Хорошо! подай просьбу, будешь принять. А въ дядѣ напиши, что я для него взялся тебѣ помогать, при всякомъ по службѣ случаѣ.

Выслушавъ удачу, неожиданную таеъ скоро, повторилъ и я съ восторгомъ: «дѣло въ шлягѣ!»

Между тѣмъ, прозвонили уже давно и мы пошли еъ обѣднѣ, въ катедральную архіерейскую церковь. Отъ обѣдни прямо на квартиру, гдѣ отобѣдали тѣмъ съ большимъ вкусомъ, что одну задачу уже рѣшили. Послѣ обѣда опять по городу и по рядамъ ходить, и зашли въ губернскую канцелярію, посмотрѣть только ея расположенія, въ чайніи, что тамъ въ праздничный день никого нѣтъ. вмѣсто того, нашли тамъ множество привазныхъ, и большою частію новопожалованныхъ въ оберъ-офицеры. Секретарей различать было можно по позументамъ на камзолахъ, а протоколистовъ по пуговицамъ на обшлагахъ. Немногіе изъ нихъ писали, другіе сидѣли праздно, а большая часть шатались какъ на рынкѣ, шумѣли, хохотали, бросали другъ на друга пескомъ изъ песочницъ, другъ друга схватывали за воротникъ, за волосы, одинъ за другимъ гонялись, и вскакивали на скамейки. Оставя смотрѣть маневры штатской службы, надобно было на завтешній день мнѣ возвратиться въ Рогачевъ, а Луцевину остаться въ Могилевѣ, и стараться, во свою пору, о рѣшеніи послѣднихъ двухъ предположеній нашихъ, дѣлая, между тѣмъ, при случаѣ надобности взаимныя сношенія. Я несомнѣвался, что онъ въ силахъ будетъ себя отличить. Онъ былъ малой съ способностью еъ приказному дѣлу, зналъ хорошо канцелярской порядоъ, и много помнилъ узаконеній; зналъ часть счетную, но былъ впротчемъ безъ свѣденій и почти безъ нравственности. Любилъ опрятность, но былъ бѣденъ. Я ссудилъ его стомя рублями, пока разбогатѣетъ, и по возвратѣ въ Рогачевъ, отослалъ еъ нему въ Могилевъ вещи, съ его человѣкомъ, на наемной повозѣ.

Я въ Могилевѣ будучи, не позабылъ и о вишняхъ для Вязмитинова; насыпалъ боченоъ ведра въ два. Усердія было довольно, но искусства нашлось очень мало, бѣгучи почтою, я всѣхъ ихъ сколотилъ. Довольно было простоты въ челоуѣкѣ моего вѣва, если я не собрался этава предвидѣть; и не перело-

жилъ ихъ вишневымъ листомъ, даже недогадался налить французскую водкою, которая тогда въ Могилевѣ продавалась по 4 рубля ведро. Сама справедливость требовала, чтобъ я за мое невѣжество не получилъ спасибо.

§ XXXII.

Присяга на вѣрность службѣ и проч.

Уже изъ провинціальной канцеляріи получилъ мой благодѣтель указъ, о опредѣленіи меня къ нему, на вышесказанное праздно канцелярскаго служителя мѣсто. Въ слѣдствіе чего, іюля 20 д. 1777 г., присягнувъ я на вѣрность службы, въ баталіонной церкви.

Вязмитиновъ внушилъ обо мнѣ хорошую мысль начальнику, а самъ уѣхалъ вскорѣ въ Рыльскъ къ отцу и тестю погостить. Квартиру свою оставилъ мнѣ въ надзираніе, а для меня отведена комора въ его канцеляріи, состоящей тутъ же чрезъ улицу. Но какъ канцелярія сія была въ избѣ тамошняго мужика, переименованнаго *) мѣщаниномъ въ одно время съ городомъ по забраніи уже края, то преизобиловала она черными тараканами, въ которыхъ я хотя ни малѣйшей не имѣлъ надобности, однако-жъ они на ту пору связаны были съ моею службою. Замазавши и заклеивши всѣ отверстія мѣста, ущелины и стремнины, и отбѣливши стѣны известью съ клеємъ, я лишилъ ихъ совершенно наслѣдственнаго достоянія, коего древнее начало покрыто неизвѣстностію, и зажилъ съ слугою и солдатомъ Юдинымъ, служившимъ за сторожа.

По отъѣздѣ моего благодѣтеля въ Рыльской уѣздъ къ роднымъ, я не зналъ и не находилъ за что приняться. Въ канцеляріи его былъ сундукъ съ бумагами, не связанными въ дѣла, слѣдственно и не внесенными въ опись, которыя остались отъ его и отъ моего предмѣстниковъ. Случавшіяся же при немъ дѣла, отправляемы были провинціальною канцеляріею, по дружбѣ къ нему воеводы Малѣева, старавшагося угождать брату для брата, дабы съ помощью другого, при открытіи намѣстничества, получить мѣсто, согласное желанію и силамъ. Родъ дѣлъ въ канцеляріи комиссарской былъ почти тотъ же, какой послѣ откры-

*) «Переименованнаго» вмѣсто зачеркнутаго: «названнаго». Ред.

тія намѣстничества предписанъ городничему въ городѣ, а нижнему земскому суду въ уѣздѣ. Итакъ, дѣлать мнѣ было нечего! Праздность и скука, говорятъ, изобрѣтательница многова. Правда, что воевода Малѣевъ хотѣлъ и требовалъ, чтобы я, для прогнанія скуки, посѣщалъ провинціальную канцелярію съ прѣтчими на ряду приказными, но онъ скоро узналъ, что я къ фрунтовой службѣ не задоренъ, не вѣдая еще, въ счастью моему, что я и лично не любилъ его за то, что онъ и секретарь его Судейкинъ, всякое дѣло писывали «съ прописаніемъ» и тѣмъ чрезъ чуръ увеличивая работу, мучили себя и всю канцелярію. Мнѣ, вмѣсто такихъ упражненій, понравилось лучше быть, и только что не жить, у князя Горчакова. Тамъ Параша хорошо пѣвала, гуслисть хорошо игралъ, и я былъ межъ ними человѣкъ не лишній, котораго князь ласкалъ и хорошо кормилъ. У него еще бывалъ часто провинціальной канцеляріи второй секретарь, г. Шпыневъ, ученикъ славнаго Ломоносова. Человѣкъ съ латынью, съ нѣмецкимъ языкомъ и съ стихотворствомъ. Я хотя не былъ знакомъ съ ученостью, однако-жъ различалъ ямбы съ хорееми, хорей съ дактилями и проч., постигалъ педесы, или стопы, рифмы долгиа, короткіа, богатія, полубогатія, и проч. Къ сему можетъ быть недоставало миеологіи и счастливой природы. Но меня сіи малости не заботили. Шпыневъ имѣлъ все, но пилъ не меньше какъ самъ Ломоносовъ, а я былъ трезвъ—какъ Волтеръ. Мы дали волю нашимъ талантамъ. Дѣлали въ домѣ князя, для пріятнаго препровожденія времени, надписи въ немногихъ строкахъ, на квартиры нѣкоторыхъ обитающихъ въ городѣ, коихъ находили достойными нашего любомудраго пера, и производили въ нашемъ хозяйнѣ смѣхъ и хохотъ тѣмъ легче, что онъ не очень ладилъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которымъ приписывали мы стихи. Я для понятія, какова была наша работа, положу здѣсь хоть двѣ строки, которыя могъ припомнить, и которыми услужилъ Шпыневъ цолнеру Хамѣину:

Хозяинъ здѣсь живетъ пространна гортани,
Во храмѣ Божьемъ что реветъ, безъ всякой дани.

Мы не больше имѣли осторожности, какъ и князь нашъ благоразумія; онъ иногда читывалъ наши стихи, одному или двумъ, посѣщавшимъ его, и всѣ равно хохотали, но не всѣ равно мыслили. Мнѣ иногда всходило на умъ, что это намъ добра

не принесетъ; но съ другой стороны, тихонько вѣщаль мнѣ мой стихотворческой геній, и мой тогдашній разсудокъ: «Какая тебѣ нужда въ негодованіи чѣмъ-бы-то-ни-было? Ежели чрезъ то обнаружатся твои таланты, и всѣ узнаютъ, что ты мастеръ стихи писать!» А за симъ уже:

Врагъ, ненавидяй добра и разрушаяй спокойствіе неосторожныхъ человѣковъ, напустилъ на насъ перваго секретаря, г-на Судейкина. Онъ объявилъ о нашихъ трудахъ и подвигахъ воеводѣ Малѣеву, по долгу присяги. Вслѣдствіе чего, князь тѣмъ скорѣе и безпрепятственно признанъ пристанодержателемъ нашей шайки, что онъ съ воеводою часто ссорился за журналы и протоколы*), какъ деревенскіе попы за блины. А какъ Судейкинъ подозрѣвалъ, что и онъ безъ надписи не обошелся—хотя, въ самомъ дѣлѣ, мы и не вспомнили объ немъ—для того прибавилъ въ своемъ доносѣ, будто бы мы не пощадили въ своихъ эпиграммахъ и самого воеводу. Воевода былъ человѣкъ неугомонной, а на сей разъ и невѣжливой; онъ прислалъ къ князю по меня вѣстового тотъ-часъ послѣ обѣда, и, поставя меня предъ собственное судилище, сильно меня бранилъ. Всего чувствительнѣе для меня было, когда онъ кричалъ: «ты обманулъ и Ив. К. Вязмитинова, которой тебя рекомендовалъ какъ честнаго человѣка; а ты у князя только стихи пишешь да поешь съ Шарашкою, а канцелярію не знаешь».

Къ счастью моему поддержалъ мою сторону — имянованный уже неоднократно — Петръ С. Звягинъ, случившійся на ту пору у воеводы. Онъ умѣлъ смягчить гнѣвъ воеводской, представляя мое преступленіе не столь**) великимъ, а намѣреніе еще меньшимъ. Онъ одобрялъ воеводу яко сокрушителя шалостей, но въ шалостяхъ ничего не находилъ, кромѣ однихъ шалостей, неразрывныхъ съ лѣтами и неопытностью. Онъ меньше оправдывалъ князя и Шпынева, но и для нихъ находилъ отговорку, говоря: что, первой, извѣстной вольной человѣкъ, чувствующій здѣсь свою независимость; а другой, съ привычкою къ университетскому или школьническому перу, равно какъ и къ нетрезвой жизни и проч...

Воевода, мало-по-малу вслушиваясь и уменьшая гнѣвъ, за-

*) Зачеркнуто: «резюлюція».

Ред.

**) Зачеркнуто: «важнымъ».

Ред.

включилъ снисходительно, чтобъ я посѣщалъ каждадневно провинціальную канцелярію, съ непремѣннымъ наблюденіемъ часовъ, положенныхъ, по генеральному регламенту, и находился въ командѣ у Судейкина, донесшаго воеводѣ, что я охотникъ писать и припѣвать подъ гусли. Я къ нему явился въ канцелярію и засажень за столъ съ прочими на ряду исполнять долгъ службы и присяги, «кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, въ которые отъ публичныхъ работъ дается свобода». Всего несноснѣе мнѣ было, что запретили мнѣ посѣщать князя Горчакова. Я сильно былъ недоволенъ, что дѣло пошло не по-моему. «Какъ!» — разсуждалъ я безпристрастно—я хочу быть у князя, а мнѣ велѣтъ работать въ канцеляріи, чего я крайне не люблю! Гдѣ же та справедливость, о которой говорятъ, будто она въ присутственныхъ мѣстахъ? Это неправда! Она у однихъ только князей и прокуроровъ». Говоря теперь похожее на шутку, чуть ли я и въ правду не былъ тогда близокъ къ подобному разсужденію*)!

Князь, видя что меня обижаютъ и лишаясь концерта, предлагалъ дружески воеводѣ, что я такой человѣкъ, которой больше стоитъ, нежели работать надъ понежемъ. Упрямой воевода слушалъ больше себя и Судейкина, нежели Горчакова; но Горчаковъ, при всякой встрѣчѣ, не давалъ воеводѣ проходу, толкуя ему, что я такой малой, какаго со свѣчкою поискать. Время все ослабляетъ. Прошла недѣля и другая, камень каплями пробивается. Прокуроръ воеводу скопытилъ, воевода здвоилъ.

Къ увѣнчанію моего счастья, случилось, когда я одинъ предъ вечеромъ, шелъ изъ города въ поле—въ табельной день—прогнать скуку, то вскриканъ былъ изъ окна княжой квартиры. Я нашелъ въ ней воеводу и первыхъ чиновниковъ нашего городка, въ томъ числѣ и Судейкина; прокуроръ угощалъ ихъ краснымъ

*) Позднѣе, образумился я и видѣлъ, что воевода былъ человѣкъ честной, порядочной, трудолюбивой, знающей службу, и, при всей своей чрезмѣрной вспыльчивости, благотворителенъ и добръ. И хотя онъ слишкомъ пространно писывалъ, но сей пространной недостатокъ, былъ ни что иное, какъ тогдашнее канцелярское обыкновеніе, и знакъ грамоты тогдашнихъ временъ. Впрочемъ, ежели все къ чему-нибудь полезно, то долгое его въ канцеляріи сидѣнье удерживало нѣсколькихъ беспорядочныхъ канцелярскихъ служителей въ порядкѣ, которые обязаны были службою не выходить преждевременно *) изъ канцеляріи, когда начальники ихъ тамъ.

Г. Д.

*) Зачеркнуто: «обще съ порядочными».

Ред.

пуншомъ, мнѣ тотъ-часъ дали вхожіи стаканъ; а примѣта, что я изъ скромности совѣщусь за него приниматься, стали меня всѣ просить. Окураженъ привѣтливостями и стаканомъ, сталъ я поживѣе. Прокуроръ, повидимому, продолжая начатую еще до входа моего матерію, увѣрялъ воеводу, что я давно уже не дорожу и Шпыневымъ, съ которымъ также не желали, чтобъ я продолжалъ знакомство, какъ и стихотворство*). Въ доказательство чего, выхватилъ онъ изъ-за шпалеръ бумагу, полученную имъ отъ Шпынева, о которой я и не зналъ, что Шпыневъ ему жаловался на меня, яко общему нашему гостеприимцу**), за приписанныя ему отъ меня стихи***), которые приложилъ онъ тутъ же въ оригиналъ. По требованію и по желанію всѣхъ, я долженъ былъ имъ прочитать:

Что чадна голова, глаза, лицо обвисли,
 Что брюхо на ноги, чело на носъ обвисли,
 Въ смердачей хижинѣ гнилой свой трупъ скрываетъ,
 Съ похмѣлья весь дрожить, свирѣпо ртомъ зѣваетъ,
 То славной мужъ Шпыневъ, что всѣмъ чертитъ стихи,
 Не зря на свой порокъ и пьяныя****) грѣхи.

Всѣ захохотали. Не знаю было-ль чему! но я чувствовалъ удовольствіе, что былъ причиною смѣха. Отъ сихъ поръ участь моя рогачевская поправилась. Мнѣ возвратили мнѣніе и уваженіе. Судейбинъ мнѣ сказалъ: что я во всякую пору, когда только мнѣ заблагоразсудится, могу быть свободенъ отъ сидѣнья въ канцеляріи. Я, хотя воспользовался симъ позволеніемъ, однакожь рассудилъ употреблять его съ умѣренностію. Мнѣ разрѣшено бывать у князя, но я у него рѣдко бывалъ, и ничего уже не писалъ и не пѣлъ, а потому и князь, видя у себя челоуѣка, которой степенничаеть, не требовалъ отъ меня каждодневнаго посѣщенія. Всѣмъ то было въ примѣту, и всѣ меня хвалили, какъ будто всѣ они были моими дядьбами.

По первому зимнему пути возвратился благодѣтель мой изъ Рыльска, и скоро отъѣхалъ въ Могилевъ. Предъ отъѣздомъ, я далъ ему идею, что мнѣ желательно бы было съѣздить въ Сѣвскъ, и возвратиться оттуда съ запасомъ, дабы поставить себя въ со-

*) Последнія двѣ строки въ подлинникѣ зачеркнуты.

**) Зачеркнуто: «хлѣбсолу».

***) Зачеркнуто: «приложенныя».

****) «Пьяныя» вмѣсто зачеркнутаго: «мерзкія».

Ред.

Ред.

Ред.

Ред.

стояніе быть благодарнымъ моему благодѣтелю, за его ко мнѣ милости. Догадливой Вязмитиновъ отвѣчалъ мнѣ благосклонно: что, «еще будетъ лутче, если ты въ Сѣвскѣ покажешся съ оберъ-офицерскимъ чиномъ». Сказалъ и устоялъ. Онъ привезъ мнѣ изъ Могилева первой оберъ-офицерской чинъ провинціального протоколита, и я въ первой разъ, на 26-мъ году моего вѣка, въ декабрѣ мѣсяцѣ, «препоясалъ мечъ по бедрѣ моей».

— «Ну, сказалъ онъ, теперъ можно ѣхать въ Сѣвскъ. Свези же и письма въ Рыльскъ, въ отцу моему и къ тестю. Ты обрадуешь моихъ стариковъ. — Многоли у тебя тамъ денегъ?»

— Съ тысячу рублей, отвѣчалъ я, но я не надѣюсь получить ихъ однимъ разомъ, потому что они розданы въ займы на проценты.

— Вязм.: «Я тебѣ совѣтую перевести ихъ сюда, здѣсь жида дадутъ тройные проценты».

Итакъ, отправаясь изъ Рогачева до Сѣвска, и переѣхавши версть около четырехъ—сотъ, обрадовалъ мать мою въ мундирѣ при шнагѣ, видѣлся со всѣми знакомыми и произвелъ мою шпагоу разнѣца у разныхъ движенія. Нѣкоторые меня поздравляли; старики—секретари въ полъ-голоса бурчали, что всѣ въ намѣстничествахъ чины за-урядъ; а отъ чистаго сердца радовалась одна мать. — Архіерей на ту пору былъ въ Орлѣ, о чемъ я и не тузилъ, будучи доброй племянникъ.

Отѣхавши изъ Сѣвска въ Рыльскъ, для врученія писемъ отцу и тестю, нашелъ ихъ обоихъ по своимъ маленькимъ деревенькамъ. Старики, для писемъ, ради были и письмо-вручителю. Отецъ, старикъ крѣпкой въ здоровѣ и въ разсудѣ, принялъ меня—это было въ великой постъ—разными кашацами и сладьми, извинялся и вмѣстѣ пенялъ, для чего я не послѣшилъ на масленицу.

Тестъ, г-нъ Кусаковъ, мужъ чистосердечной. Онъ спрашивалъ меня: есть-ли зятю его отъ комиссарской должности доходы? отвѣтъ мой его не повеселилъ. «Зачѣмъ-же и служить!» сказалъ лысой Кусаковъ.

Отъ нихъ я, получа отвѣтныя письма, заѣхалъ въ Молчанскую Софроніеву пустынь, въ которой я когда ни бывалъ, всегда препроводилъ время съ пріятностію. Движеніе чувствъ моихъ требовало, чтобъ я тепершнимъ моимъ посѣщеніемъ при-

несъ ей мою благодарность, и возобновилъ въ памяти проведенное неоднократно въ нѣдрахъ ея время. А великій постъ подалъ мнѣ случай исполнить догматическія должности по закону, въ которомъ я родился. Изъ нея прямо въ Рыльскъ, гдѣ оставился въ домѣ матери и брата пріятеля моего и бывшего спутника Луцевина. Мать и братъ были мнѣ рады, для сына и брата.

Въ Рыльскѣ у вупца Выходцова купилъ я, за пять имперіаловъ, привезенныя изъ Москвы санки и возвратился въ Сѣвскъ; откуда, попрощавшись съ матерью и знакомыми, и наполнивши модныя мои санки бутылками англійскаго пива, пустился въ обратный путь. На пути заѣхалъ въ Серединой Будѣ къ сказанному мною въ 1-й части, отцу Іоанну Лузанову. Онъ принялъ меня ласково и вразумилъ, что я не мастеръ вещей беречь. «Вы умѣли купить—говорилъ онъ—санки модныя и дорогія *) и тащите ихъ привязанными назади вашей кибитки. Вы ихъ чрезъ дальній путь изломаете, или довезете вещь не въ цѣлости». Онъ велѣлъ сыскать въ домѣ простыя рабочія сани и приладить на нихъ мои лакированныя. Ежели мои санки не стоили занять мѣсто въ моемъ повѣствованіи, такъ они годятся для того, чтобъ я себѣ напомнилъ, сколько былъ я простоватъ, даже на 26-мъ году моего вѣка.

Поблагодаря почтеннаго священника, отправился я знакомымъ путемъ въ Рогачевъ, и представилъ себя милостивцу моему Ивану Козьмичу Вязмитинову. Онъ, по принятіи отъ меня писемъ и по первымъ вопросамъ о благосостояніи и здоровьѣ своихъ родныхъ, спросилъ меня: привезъ ли я свои деньги?

Я отвѣчалъ, что на силу могъ только получить отъ должника моего триста рублей, которой извинялся краткостью и незапностію времени. «Въ награду этого для меня недостатка, примовилъ я, привезъ я для васъ санки».

— «Взди, братецъ, самъ», отвѣчалъ мнѣ Вязмитиновъ съ невеселымъ лицомъ.

*) Любящіе вѣрной-счотъ скажутъ: 5 имперіаловъ составляютъ 50 рубл., такъ чтожъ это за дорогія были санки, если они ограничивались 50 рублями?—Сомнѣніе—первой шагъ къ премудрости, сказала одинъ изъ греческихъ систематиковъ. Пусть же сомнѣвающийся, или недоумѣвающий, посмотритъ на 1778 г. и на 1812 г. въ разсужденіи курса монетъ.

Я очень былъ увѣренъ, что онъ обманется въ своемъ мнѣнїи, и просилъ его посмотрѣть ихъ.

— «Да гдѣ они?»

— Здѣсь въ большихъ сѣняхъ.

Онъ нашолъ, сверхъ чаянія, такія санки, на которыхъ можно свободно сидѣть двумъ, а третьему—на запяткахъ; и они такъ уютны, что кажутся очень малы, и столь легки, что въ пору для одного бѣгуна. По свѣтло-зеленой краскѣ покрыты лакомъ, и, по приличнымъ мѣстамъ, выложены бронзою. Выбивка, подушка, и на медвѣдяхъ покрывало, изъ лутчаго разноцвѣтнаго рытаго трипа. Мой Вязмитиновъ при первомъ взглядѣ, противъ воли вскричалъ: «Ахъ, какія богатя!»

Ходя около ихъ и говоря мнѣ спасибо, открылъ онъ покрывало: «для чего-жъ они набиты сѣномъ?»

— Чтобъ не побились бутылки съ англійскимъ пивомъ.

— «Ну братъ, ты великой мастеръ ѣздить въ отпускъ!

А я не меньше былъ собою доволенъ, что лутче умѣлъ сбечь санки нежели — вишни *).

§ XXXIII.

Продолженіе исторїи.

Уже наступила весна 1778 года. Луцевинъ мой въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, спустя свѣтлой празднїеъ, навѣстилъ меня изъ Могилева. Мнѣ очень примѣтно было, что онъ уже провинціальнымъ секретаремъ, а я еще провинціальнымъ протоколистомъ, и то, по особому старанію милостивца моего Вязмитинова. Съ открытїемъ весны, наступало открытїе могилевскаго намѣстничества, по законамъ Екатерины II, а мнѣ открылось, что объ участи моеи никто столько не обязанъ заботиться, какъ я самъ. Ибо, когда я напомнилъ моему благодѣтелю, что если въ наступающее время онъ не пристроитъ меня въ прочной службѣ, то, можетъ быть, оно не возвратится никогда, или возвращать его достанется съ бѣльшею трудностью, не получилъ отъ него въ отвѣтъ ничего удовлетворительнаго; напротивъ съ чувствительностію примѣтилъ изъ его движеній, что ему представленіе мое

*) Послѣдняя строка первоначально изложена была такъ: «что ему угодно лутче, нежели могилевскими вишнями».

не было приятно; а, можетъ быть, я такъ худо изъяснился, что лутчаго отвѣта и не стоилъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько я имѣлъ нужды, во всю мою жизнь, самъ о себѣ заботиться, столько не ловокъ былъ самъ за себя говорить. Моя чувствительность дѣлала меня застѣнчивымъ. Мнѣ живо представлялось, что я никого ничѣмъ не обязалъ, и ничѣмъ никому не услужилъ; такъ почему же я и осмѣливаюсь его просить? но безъ просьбы ничего не дѣлають! При томъ — разсуждалъ я — говоря или прося за другого, можно смѣлѣе его одобрить, но нѣтъ ничего труднѣе, какъ самого себя одобрять. И такъ, всякой приступъ къ просьбѣ производилъ во мнѣ душевную революцію. Я знаю и ощутилъ, что это свойство самое безпокойное; но не знаю, можно ли его было исправить наставленіемъ или просвѣщеніемъ*).

По повтореніи моей просьбы, получилъ я отъ г-на Вязмитинова согласіе, отпускъ и письмо просительное обо мнѣ въ Могилевъ, къ полковнику Василью Васильевичу Коховскому, брату могилевскаго губернатора. Отправляясь туда поспѣшно, квартиры нашель у готоваго пріятеля Луцевина.

Снизходительной и скромной Коховскій принялъ отъ меня письмо ласково, и тотчасъ адресовалъ меня къ г-ну Алѣевцеву, сказавъ: «бывайте у меня и увѣдомляйте, что съ вами происходитъ будетъ». Алѣевцева нашель я въ губернаторской канцеляріи, сѣдѣющаго въ особой отъ другихъ коморѣхъ, на работѣ, за краснымъ столомъ, на которомъ лежало небольшое число книгъ и бумагъ. Наслышавшись, что онъ любитъ попить, я воображалъ найти въ немъ и лицо соотвѣтственное такому поведенію, но я удивился, найдя совсѣмъ тому противное. Онъ былъ лѣтъ 30-ти, роста средняго, по природѣ чистотѣль, бѣлокуръ, въ лицѣ нѣжной румянецъ, и живые лакированные голубые

*) По нѣмѣшнему — воспитаніемъ, хотя воспитаніе и пропитаніе неоспоримо, значить: воскормленіе и прокормленіе. Но, понеже вообще въ Европѣ, всякой вѣкъ имѣеть свой языкъ, свои нравы и свои обыкновенія, для того, всякой настоящей европейской вѣкъ говорить о себѣ, что онъ умнѣе вродешаго; почему и не легко отъискать, въ которомъ вѣкѣ въ Европѣ былъ умъ полутче другихъ вѣковъ? Чего надобно учиться? и какъ разумѣть слова своего языка, по старому или по новому? У витайцевъ нѣтъ другого ума, нѣтъ другого языка, нѣтъ другихъ обыкновеній; сѣдовательно, у нихъ только однихъ можно научиться и привыкнуть къ тому, что служить благополучіемъ на всю краткую нашу жизнь.

глаза. Круглолицъ, сложенія полнаго, и нѣсколько скудоловъ, волосы бѣлорыжеватыя, или точно такого цвѣта, каково бываетъ малороссійское пшено. Придавши къ сему мундиръ зеленаго сукна съ краснымъ воротникомъ, это будетъ точной Алѣвцевъ, крис-цалмейстеръ, Василій Яковлевичъ! Онъ прочитавши записку Коховскаго, спросилъ меня:—«что вамъ надобно?»

Я отвѣчалъ: «чинъ и при открытіи намѣстничества, мѣсто».

— «Очень хорошо! получишь. Приходи чаще въ канцелярію».

Доволенъ будучи, что дѣло началось по желанію, сообщилъ я весь онаго успѣхъ пріятелю своему Луцевину, и получилъ отъ него на послѣднія Алѣвцева слова, мнѣніе, что, «на обнадеживаніе его полагаться нельзя».

Не выпуская изъ вида замѣчанія Луцевина и исполняя при томъ повелѣніе Алѣвцева, ходилъ я съ недѣлю въ канцелярію, одѣвался сколь можно почище, переписывалъ что мнѣ давали, и, поворачиваясь въ канцеляріи, видѣлъ, что Алѣвцевъ правилъ многотрудными и многочисленными по разнымъ частямъ дѣлами, которыя до открытія намѣстничества, а паче при новомъ забраніи края, были на собственномъ губернаторскомъ отчетѣ. Имѣя столь счастливой даръ природы, онъ, работая перомъ съ удивительнымъ успѣхомъ, не заботился, и почти не думалъ. Стилъ его былъ краткословной, ясной, отрывчистой, съ свѣдѣніями гражданскихъ законовъ, и нимало не похожей на стилъ воеводы Малѣева и секретаря Судейкина. Губернаторъ слушалъ его какъ ораула, чиновники, отъ вице-губернатора до послѣдняго класса, чтли его за теплаго во всѣхъ нуждахъ заступника и предстателя, а просители поклонялись ему какъ золотому тельцу, когда онъ не былъ пьянъ и не сѣдѣлъ подъ карауломъ для истрезвленія.

Прошла недѣля, а я, кромѣ перваго обнадеживанія, ничего не имѣю. Нужно было прибѣгнуть къ средству побудительному. Я далъ Алѣвцеву 50 руб. и тотчасъ помѣщенъ въ росписаніе, приготовляемое къ открытію намѣстничества, на регистраторскую ваканцію при губернаторѣ. И тотъ же часъ возстали противъ меня волненіе, мятежъ, крикъ, вопль. Всѣ находящіеся въ губернаторской канцеляріи, которые были большою частію секретари, требовали отъ Алѣвцева справедливости.

— «За что—кричали они—чортъ изъ болота помѣщенъ при

губернаторѣ? Онъ, безъ году недѣля, какъ показался въ канцеляріи, а мы день и ночь трудились, и размѣщаемся теперь другимъ присутственнымъ мѣстамъ на меньшія ваканціи!»

Алѣевцевъ отвѣчалъ имъ командирски: «Молчите дураки! вѣдь мнѣ всѣхъ васъ не помѣститъ при губернаторѣ на одно мѣсто; а етакой человекъ при немъ надобенъ. Посмотрите — показывая имъ переписанную мною бумагу — знаетъ ли хоть одинъ изъ васъ столько правописанія?»

Можетъ быть и въ подлинну мое правописаніе обѣщало больше, нежели я значилъ, почему и не знаю, обманывалъ ли ихъ Алѣевцевъ, или и самъ обманывался? всѣ однакожъ претенденты согласились на то, что при губернаторскомъ лицѣ надобно быть не дураку. Но это не конецъ; мнѣ нужнѣе былъ чинъ, нежели должность. Частыя мои объ немъ просьбы не имѣли успѣха. Я напоследокъ прибѣгнулъ къ повторенію 50 рублей, — ибо онъ сиживалъ всегда одинъ въ особой коморѣ — а онъ въ ту же минуту при мнѣ самъ написалъ отъ губернатора предложеніе рогачевской провинціальной канцеляріи, съ одобреніемъ въ немъ моихъ трудовъ, способностей и проч..., которые будто бы самимъ его превосходительствомъ замѣчены, и за которые произвелъ онъ меня губернскимъ секретаремъ — это значитъ чрезъ чинъ — и такое же другое въ могилевскую камерную экспедицію, о вычетѣ съ меня въ казну за повышеніе. Написавши, положилъ подъ сукно и мнѣ сказалъ: «надобно выбрать время поднести губернатору къ подписанію».

Сказавъ сіе, на другой день записъ, сказался больнымъ, и не велѣлъ къ себѣ въ домъ — по обыкновенію на такой случай — никого пущать. Я дня съ три съ ряду посѣщалъ запертыя вороты, давалъ привратнику, солдату Данилѣ, рубль, два, три; но сей церберъ пребылъ неумолимъ. Меня увѣрили уже поздо, однакожъ благовременно, что онъ за сей пропускъ получаетъ по 25 рублей. Къ этой бѣдѣ увѣдомленъ я, что находящійся между прочими въ губернаторской канцеляріи, малорослой, курносой провинціальной секретарь Теплынинъ, вычистилъ самъ собою изъ списка мое имя и написалъ свое, ибо списокъ не былъ еще подписанъ губернаторомъ — а меня вписалъ на свое мѣсто, на повытческую ваканцію въ будущемъ намѣстническомъ правленіи. Сіе дѣлало для меня разницы классомъ ниже, и шестьюдесятью

рублями меньше жалованья. При такихъ обстоятельствахъ, не было ничего легче, и не было ничего тяжеле, какъ остаться мнѣ безъ повышенія чина, съ пониженіемъ должности и жалованья. Я иногда доносилъ обо всемъ по утрамъ, что со мною случалось, вышесказанному полковнику Вас. Вас. Коховскому и получалъ отъ него въ отвѣтъ: «очень хорошо». Но въ настоящихъ неприятныхъ стеченіяхъ, когда я всѣ оныя передъ нимъ изъяснилъ—кромѣ 50 рублей—сказалъ онъ мнѣ: «подойди часу въ 10-мъ въ канцелярію губернаторскую и скажи тамъ, отъ моего имени, чтобъ о тебѣ доложили губернатору. Я тогда буду у него».

О! если бы непостижимое Провидѣніе вливало въ грудь благотворителей, въ воздаяніе имъ за ихъ благотворенія, столько радости, сколько я тогда ощутилъ отъ Коховскаго! Они бы никогда не переставали дѣлать добро. Но видно, что награда сія не дешева и на небѣ, если достоинство благодѣтеля очень рѣдко у насъ на земли.

Радость моя имѣла основаніемъ не мечту; ибо извѣстно было публикѣ, что братъ брата зная душевныя качества, всегда одинъ другому вѣрили, и одинъ другого слушали.

По выходѣ отъ Коховскаго, вспало мнѣ на умъ очень къ стати, пойти къ генер.-адъютанту Вязмитинову. Онъ прибылъ вчера отъ графа упредительно, изъ Полотска въ Могилевъ. Квартира его была близъ церкви дальняго Воскресенья *) у мѣщанина Зуба. Я вошелъ безъ доклада, потому что изъ сѣней другого покоя не было, кромѣ того, въ которомъ онъ квартировалъ. Онъ уже сидѣлъ за столомъ въ мундирѣ надъ бумагами. Я началъ представленіе себя, засвидѣтельствованіемъ отъ брата, его высокоблагородію поклона, дабы тѣмъ подать случай узнать отъ меня, кто я? Онъ вставъ съ мѣста, вышелъ ко мнѣ на средину горницы, вмѣстѣ съ движеніемъ спросилъ: «давно-ль ты его видѣлъ? Гдѣ ты служишь? зачѣмъ ты здѣсь?»

Я схвативши поскорѣе лапачишко лапачишко духу сѣвскаго архіерея,

) Мѣсто, гдѣ нынѣ два каменные церковныя дома), выстроенные казеннымъ коштомъ противъ церкви св. Іосифа—черезъ улицу—заложеной императрицею Екатериной II-й, вмѣстѣ съ императоромъ Іосифомъ II-мъ; о чемъ сказано будетъ ниже.

Г. Д.

*) Зачеркнуто: «казенныя».

Ред.

отвѣчалъ на послѣдній вопросъ: что, «я ищу чина и мѣста, больше по милости, нежели по заслугамъ. И, что не дальше еще успѣлъ, какъ только дошолъ до сомнѣнія получить то и другое».

Не успѣлъ еще я услышать, что мнѣ скажутъ въ отвѣтъ, какъ вошелъ Коховскій. Онъ, безъ сомнѣнія, счолъ, что по связи братней, интересуется во мнѣ и генераль-адъютантъ; почему вмѣстѣ почти съ первымъ поклономъ Вязмитинову, сказалъ во мнѣ: «въ 10-мъ часу подойдите, какъ я вамъ сказалъ». За Коховскимъ вошли еще три чиновника, изъ которыхъ одинъ, позади первыхъ двухъ, закричалъ еще въ сѣняхъ во весь ротъ продолжительнымъ тономъ: «Monsieur!» Это былъ человекъ малолетней, съ большою головою, въ лицѣ цвѣта бѣлосѣроватаго и наклоннаго къ веснушкамъ, съ обширнымъ и высокимъ тупеомъ, по тогдашнему вкусу, на подобіе распушеннаго паруса или буфетныхъ ширмовъ, и отчасти*), на подобіе крыльевъ вѣтреной мѣльницы; съ кошелькомъ между плечъ, въ темно-вишневомъ кафтанѣ, съ золотыми петлицами, въ башмакахъ, и подъ лѣвымъ плечомъ шапо-ба. Онъ заговорилъ-было по-французски, но Вязмитиновъ спросилъ его по-русски: каковъ ему повазался Могилевъ? и проч. Онъ былъ ново-опредѣленный въ намѣстническое правленіе совѣтникъ, по фамиліи Полянскій. Я для того здѣлалъ объ немъ отступление, что онъ будетъ въ Могилевѣ играть въ теченіе слишкомъ трехъ лѣтъ, довольно замѣчательную роль, о чемъ болѣе скажется ниже на своихъ мѣстахъ, а теперь довольно одного предисловія.†

Я выскочилъ отъ генераль-адъютанта безъ обрядовъ отпускнуой аудіенціи, побѣжалъ въ замокъ, гдѣ было пребываніе губернатора съ его канцелярією. Предъ замкомъ на площади, встрѣтился съ тремя секретарями—которые, такъ же какъ и я, осаживали участи, чтобы къ открытію намѣстничества не остаться безъ мѣстъ—и съ ними приостановился. Площадь была не мала. Къ намъ начали стекаться помаленьку люди нашего сорта, и ея наполнять. Матерія у всѣхъ была**) общая. Иной суетился, что не знаетъ куда будетъ помѣщенъ при открытіи намѣстничества; иной больше имѣлъ причины къ суетамъ, что не зналъ, или со-

*) Зачеркнуто: «или же».

**) Зачеркнуто: «почти».

миѣвался, будетъ ли куда помѣщенъ? поелику списокъ помѣщаемыхъ хранится уже въ тайнѣ. Иной жалился, что Алѣвцевъ много взялъ... много выпилъ... много обѣщалъ... ничего не здѣлалъ... и проч...

Вдругъ увидѣли карету Коховскаго, стали въ позицію для поклона, а онъ, выглянувъ, махнулъ рукою и еривнулъ: «за мною въ замокъ». «Кому его сказано?» спросили другъ друга мои товарищи. «Его мнѣ», отвѣчалъ я, и пошелъ поспѣшно. А они во слѣдъ мнѣ прокричали: «Э! братъ! тебѣ видно не наше горе, ты съ дядюшками живешь!»

Къ губернатору впущенъ я безъ обрядовъ стоянія въ передней. Онъ ходилъ тихимъ шагомъ по горницѣ, и нѣсколько разъ на меня взглянулъ. Полковникъ Коховскій далъ мнѣ знать, чтобъ я пошелъ въ канцелярію. Все это значитъ, что я былъ на смотрѣ.

Въ канцеляріи спросилъ меня молодой губернской секретарь г. Каменскій-Жиловъ: «Гдѣ же тѣ предложеніи въ рогачевскую провинціальную канцелярію, о которыхъ вы сказали Вас. Вас. Коховскому, что они написаны Алѣвцевымъ о произведеніи васъ серетаремъ?»

— Вотъ здѣсь на столѣ подъ сукномъ, отвѣчалъ я, указывая на коморку Алѣвцева.

Каменскій понесъ ихъ въ губернатору съ другими бумагами. Четверть часа, которую онъ тамъ пробылъ, показалась мнѣ цѣлымъ днемъ.

По выходѣ, Каменскій съ бумагами въ рукахъ провозгласилъ: «Поздравляю васъ губернскимъ секретаремъ». Поздравленіе, какого еще я во всю жизнь не слыхивалъ!.. Удовольствіе разлилось по мнѣ въ одну секунду, и произвело необъяснимое радостное сотрясеніе во всѣхъ моихъ членахъ. Онъ при томъ спросилъ меня: «Гдѣ вы помѣщаетесь при наступающемъ открытіи намѣстничества?»

Я отвѣчалъ, что «вѣрно знать не могу, а слышалъ отъ Вас. Явлевича, что помѣщенъ буду при губернаторѣ. Но какъ я въ здѣшнемъ краѣ человѣкъ новой, то желалъ бы быть на такой же ваканціи въ намѣстническомъ правленіи, гдѣ, служа съ другими, могу избѣжать затрудненій, какія часто случиться могутъ при начальникѣ губерніи съ человѣкомъ, для котораго все еще

ново, и при томъ *) все на собственномъ его отчетѣ по канцеляріи».

«Вы очень хорошо судите, сказалъ Каменскій, я**) отвѣтъ вашъ доложу губернатору, а васъ предъувѣдомляю, что вы, по желанію вашему, будете въ намѣстническомъ правленіи, а я—при губернаторѣ; я въ этомъ васъ увѣряю смѣло потому, что мнѣ теперь вельно спросить васъ о точномъ вашемъ желаніи. А того мопсу—секретаря Теплынина—которой имѣлъ глупую дерзость, вычистить ваше имя въ спискѣ, а себя вписать на ваше мѣсто, помѣстимъ еъ вамъ же въ правленіе на канцеляристское мѣсто. Онъ намъ надѣлалъ работы, цѣлой листъ надобно перемѣнять въ переплетѣ».

Поблагодаря Каменскаго и разставшись, я напольшъ себя въ одно мгновеніе на ряду съ людьми благороднаго сорта, съ штаб-офицерскимъ по камзолу позументомъ, по тогдашнему положенію. Послѣ сихъ первыхъ движеній опомнился, что полковникъ Коховскій еще не выходилъ отъ брата. Я сталъ въ большихъ сѣняхъ, гдѣ стоятъ часовые, и при выходѣ его упалъ ему сиротскимъ образомъ, почти еъ самымъ ногамъ. Онъ отвѣчалъ: «благодарите господъ Вязмитиновыхъ». Однако-жъ, мои настоящія обстоятельства требовали, чтобъ я поскорѣе бѣжалъ еъ Алѣвцеву для принесенія благодарности, не за то, что онъ предложеніи положилъ подъ суетно и самъ загулялъ, но за то, что написалъ меня въ нихъ черезъ чинъ. Всего же больше нужно было добыть отъ него, чтобъ онъ, по заведенному порядку, приказалъ вписать оба предложенія, отъ слова до слова, въ книгу, которая хранилась у Алѣвцева подъ замкомъ съ прочими важными бумагами, въ столовомъ ящикѣ. Но какъ еъ нему дойти? Рѣшившись заплатить Данилѣ***), установленную имъ****), пропускную 25 рублевую пошлину, расудилъ исполнить рѣшеніе сіе тогда, когда уже не подѣйствуетъ никакая выдумка. Почему, написалъ цѣдулку, и съ нею пошолъ еъ воротамъ; лишь только еъ нимъ изъ за угла повернулъ, увидѣлъ вице-губернатора Воронина, стоящаго подлѣ нихъ, и бесѣдующаго сквозъ щели воротъ съ

*) Зачеркнуто: «однакожъ».

**) Зачеркнуто: «объ этомъ».

***) Зачеркнуто: «положенную имъ портовую».

****) Зачеркнуто: «пограничную портовую».

Ред.

Ред.

Ред.

Ред.

Данилкою. Я не дѣлая вида, что и моя цѣль была сюда же, проходилъ прямо по улицѣ, и предъ вице-губернаторомъ, отвалившемъ уже отъ воротъ, сдѣлалъ подобающій поклонъ, а онъ провалилъ мимо меня не пошевели ни головою ни рукою, и съ такимъ спѣсивымъ видомъ, какъ будто онъ удостоился говорить съ самимъ Алѣевцевымъ!—Мнѣ примѣтно было любочестіе сего начальника; однакожь я имѣлъ снисхожденіе судить, что можетъ-быть онъ и не знаетъ, что я пожалованъ въ губернскіе секретари, и что я уже не тотъ человѣкъ, которой былъ за часъ предъ симъ. Но дѣло не о спѣсахъ нашихъ съ вице-губернаторомъ! Что мнѣ дѣлать, думалъ я, когда уже и вице-губернаторъ у Алѣевцева въ такомъ уваженіи, въ какомъ я видѣлъ его бесѣдующаго съ Данилкою? Однакожь приступилъ къ воротамъ и ну челобитовать, почти такъ:

§ XXXIV.

Начинается Данилкою, а кончится утѣю.

«О великій Данилка! сынъ слѣпого и мгновенно преходящаго случая. О вѣрный стражъ у вратъ великаго письмоводителя! о могущій церберъ! боего лаянія не смѣетъ пренебречь и самъ вице-губернаторъ Воронинъ! внемли: я присланъ съ запискою отъ полковника Василья Васильевича Коховскаго; вотъ отъ него записка, записка очень важная, какихъ еще не бывало отъ начала всѣхъ секретарскихъ воротъ и сторожей Данилокъ».

Я впустилъ записку*) межъ воротныхъ досокъ. А въ ней было написано отъ меня, а не отъ Коховскаго: «Милост. гос! мнѣ нужны только двѣ минуты. Позвольте мнѣ видѣть моего благодѣтеля, и поблагодарить его лично за милость, состоящую въ написаніи предложеній, по которымъ получилъ я севодни чинъ губернскаго секретаря». Между тѣмъ, какъ я дождался резолюціи, и уже на случай неудачи держалъ на готовѣ 25-ти-рублевую для Данилки ассигнацію, показался изъ-за угла совѣтникъ камерной экспедиціи, назначенный, по росписанію**) въ намѣстническое правленіе, Петръ Ильичъ Сурминъ. Сей доброй по натурѣ человѣкъ, завидя меня еще изъ дали, усмѣхнулся и спро-

*) Зачеркнуто: «сквозь».

**) Зачеркнуто: «къ переводенію».

Ред.

Ред.

силъ: «что брать? не впускают! Да и я иду без надежды, вице-губернаторъ со мною повстрѣчался, и»... вдругъ загремѣла цѣпь, и ворота отворились. Данилка увидя нечаянно, вмѣсто одного, двухъ, возгласилъ въ торопяхъ Сурмину: «вась сударь не велѣно пускать». Сурминъ ему отвѣчалъ: «что ты, Данилка, ты видно не знаешь, что назначенъ къ намъ сторожемъ въ намѣстническое правленіе? вѣдь я тебя тогда закатаю». Данилка, не*) постигая словъ человѣка незнающаго ни мстить, ни злоститься, ни браниться съ сторожами, палъ въ ноги командиру. А Сурминъ, сказавши съ Алѣвцевымъ слова два-три въ другомъ покоѣ, пошелъ домой.

Алѣвцевъ непритворно былъ радъ, что я, въ награду, его обо мнѣ нерадѣнія, самъ о себѣ поросторопничалъ. Онъ тотъ-часъ велѣлъ позвать къ себѣ секретаря отъ регистратуры, Пестова, и приказалъ ему вписать предложеніе въ книгу не 17 числомъ мая, котораго я произведенъ, но 30-мъ прошедшаго апрѣля, говоря съ усмѣшкою, что «по май мѣсяцъ кончилась власть губернаторская и моя производить въ чины».

Но въ какое пришелъ я изумленіе! когда онъ, разговоривая, разодралъ одно изъ губернаторскихъ предложеній. Въ окаменѣломъ недоумѣніи, я дожидался такой же участи и другому. Въ остаткахъ памяти мечталось мнѣ: вотъ истинна словъ Звягина, что Алѣвцевъ предложенія губернаторскія деретъ или объявляетъ по своему произволению.—Но онъ, продолжая равнодушно, говорилъ: «камерная экспедиція недовольна губернаторомъ, что онъ не уважилъ ея представленій, воими просила она о произведеніи нѣкоторыхъ изъ ея канцелярскихъ должностныхъ въ оберъ-офицерскіе чины; теперь, еслибы она увидѣла изъ предложенія, что губернаторъ, по прошествіи уже данной ему власти, вась произвелъ, то могла-бы, когда приѣдетъ графъ, выставить передъ нимъ сей случай къ нарѣканію на губернатора. Положимъ, что етова не случится, однако-жъ, лучше, какъ побережь Михайла Васильевича. Вы теперь получа предложеніе въ рогачевскую провинціальную канцелярію, скажите тамъ — если она сама не догадается — чтобы прибавили въ резолюціи: «представить рапортомъ въ камерную экспедицію, о вычетѣ съ вась

*) Зачеркнуто: «понимая».

въ казну за чинъ». Это будутъ виды, какъ будто бумага объ васъ залежалась въ Рогачевѣ отъ того времени, когда губернаторъ имѣлъ право производить въ чины. А между тѣмъ, и рапортъ вступить не въ каменную уже экспедицію, которая вскорѣ уничтожится, но въ казенную палату, которая открытается вмѣстѣ съ открытіемъ намѣстничества, и большую частію составлена будетъ изъ людей новыхъ».

Воспламеня испуганную радость, и поблагодаря Алѣевцева и свою выдумку, пошелъ я съ ассигнаціею и съ Пестовымъ въ канцелярію губернаторскую, гдѣ, по вписаніи имъ въ книгу заднимъ числомъ двумя недѣлями слишкомъ, моей жалованной грамоты, сирѣчь предложенія — получилъ ее обратно подъ открытою, по просьбѣ моей, печатью. Итакъ, и чинъ въ карманѣ, и мѣсто въ намѣстническомъ правленіи! Послѣ сего спѣшилъ раздѣлить или умножить мою радость съ другомъ Луцевинымъ. Я встрѣтился съ нимъ на большой улицѣ: «друзья — такъ я думалъ — всегда другъ-друга ищутъ». Въ самомъ дѣлѣ, онъ искалъ меня обѣдать, потому что за полдень было уже слишкомъ три часа.

— А угадай, вскричалъ я ему издали: что у меня въ карманѣ? вотъ будешь великой чародѣй, если угадаешь!..

— «Не знаю, не угадаю»...

— Предложеніе губернаторское въ Рогачевѣ.

— «О чемъ?»..

— О томъ, что я пожалованъ губернскимъ секретаремъ, и тотъ-часъ показалъ ему.

Онъ прочитавши, замолчалъ. Потомъ началъ бранить Алѣевцева, губернатора, полковника Коховскаго и маіора Вязмитинова, а потомъ выхвалять свои труды и таланты. Я, послѣ упоеннаго увѣренія себя въ томъ, что онъ мнѣ другъ, насилу могъ опомниться и повѣрить, что онъ бранить и меня и всѣхъ моихъ благодѣтелей, за то, что я губернскимъ секретаремъ, а онъ степенью ниже меня.

Я напомнилъ ему, что «я его пріятель, и что по тому самому обязанъ онъ, хотя изъ благопрістойности, скрыть свою досаду, которой однако-жъ я нивогда не желалъ быть причиною». Потомъ спросилъ его: «что-бы онъ началъ тогда, когда бы вмѣсто меня, непріятель его произведенъ былъ въ чинъ?»

Онъ улыбнувшись принужденно, сказалъ: «правда твоя, я не буду досадовать». Мы обѣдали вмѣстѣ, и казались быть по прежнему пріятельми. — Однако-жъ мало-помалу, свѣтъ, время, и нужда научали меня познавать людей, и, по мѣрѣ познанія чужихъ нравовъ, терять собственную нравственную простоту, и тѣмъ подобиться большинству людскихъ качествъ.

Между тѣмъ, какъ я заботился въ Могилевѣ о чинѣ и о помѣщеніи себя при открытіи намѣстничества въ штатъ правленія, почитая сіе основаніемъ моей службы, и надеждою впередъ къ полезному оной для меня продолженію, милостивецъ мой Иванъ К. Вязмитиновъ безперерывно тревожилъ меня изъ Рогачева письмами, кои всѣ были одного содержанія: «что онъ удивляется, для чего я не ѣду къ должности, и къ сдачѣ дѣлъ при уничтоженіи его комиссарства, по случаю приближающагося открытія намѣстничества».

Я зналъ, что въ комиссарской его канцеляріи бумагъ было мало, а дѣлъ совсѣмъ ничего, ежели-же какія случались нестоящія названія дѣлъ по своей маловажности и малочисленности, тѣ отработываемы были въ провинціальной тамошней канцеляріи по дружбѣ къ нему воеводы Малѣева. А комиссаръ, находясь между братомъ и воеводою, занимался только переѣздами изъ Рогачева въ Рыльскъ, въ Розсохи—деревни, пожалованныя брату его въ Бѣлоруссіи—въ Могилевъ, и проч... Итакъ, хотя я зналъ, что мнѣ нечего сдавать, и напротивъ зналъ, что ежели бы я въ сію самую пору не постарался самъ о себѣ въ Могилевѣ, то можетъ быть вѣчно бы завоснѣлъ въ уѣздномъ городѣ приказнымъ служителемъ, при такомъ неважномъ мѣстѣ, къ которому отошли дѣла комиссарскія; однакожъ*) порядоковъ службы требовалъ, чтобъ я повиновался. Вслѣдствіе сего, не забывши написать, по тогдашнему штату, на камзолъ секретарскихъ позументовъ, спѣшилъ по почтѣ къ начальнику рогачевской моей службы, для принесенія ему благодарности за одобреніе меня къ полковнику Коховскому; для врученія воеводѣ губернаторскаго о чинѣ моемъ предложенія, и для забранія вещей моихъ въ Могилевъ, не помышляя болѣ ни о чемъ. Утѣшаясь такими предположеніями, нечаянно нашелъ, что мои позументы не столько были

*) Зачеркнуто: «я не безъ долгу былъ повиноваться требованіямъ». Ред.

приятны Вязмитинову, сколько мнѣ. Онъ сдѣлалъ мнѣ поздравленіе изъ повторенія тѣхъ же словъ, которыя читалъ я въ письмахъ.

Сколько я ни изъяснялся *), о причинахъ бытности моей въ Могилевъ, и сколько ни признавалъ, что вѣчно обязанъ его милостию, однако-жъ онъ не пріемля ничего, твердилъ мнѣ, что я понапрасну въ Могилевъ жилъ, и что долговременная тамъ моя бытность его обидѣла. Симъ самымъ онъ **) нанослѣдуетъ, какъ кажется, небрежно обнаружилъ мѣру желанія ***) мнѣ добра, и сколько онъ дорожилъ всѣмъ моимъ счастьемъ. Не въ состояніи будучи увѣрить его о моей чувствительности, за его ко мнѣ первоначальныя благодѣанія, и не находя причинъ къ негодованію на меня, принужденъ былъ подумать и заключить, что мы, всѣ на свѣтѣ, люди.

На другой день онъ отъѣхалъ въ городъ Бѣлицу, куда опредѣленъ былъ городничимъ по новому росписанію. А я, лишь только хотѣлъ послѣдовать его образцу, отправиться также къ новоназначенной должности въ Могилевъ, и уже укался въ мою колесницу, какъ рогачевскій комендантъ, полковникъ г. Плецъ прислалъ ко мнѣ ординарца съ объявленіемъ, что «ему велѣно принять дѣла рогачевской комиссарской канцеляріи съ канцелярскими чинами. А какъ, по списку полученному отъ комиссара Вязмитинова, находится при комиссарской канцеляріи г. Добрынинъ, то и не беспокоился бы онъ выѣздомъ изъ города ****)».

Мнѣ очень было примѣтно, что я уже принадлежу къ такому въ губерніи главному мѣсту, которое коменданту насылаетъ указы, да и самъ уже не меньше какъ три раза офицеръ, а г. комендантъ смѣетъ такъ нескромно предо мною изъясняться. Имѣя на своей сторонѣ такого рода справедливость, я конечно бы отрекся отъ исполненія его требованій, но выѣздъ изъ города, противъ воли комендантской, былъ для меня дѣломъ сомнительнымъ. Итакъ, подхватя шляпу, явился въ рукахъ съ нею

*) Зачеркнуто: «что все получилъ съ его пособіемъ».

Ред.

**) Зачеркнуто: «не при послѣднихъ часахъ».

Ред.

***) Зачеркнуто: «своего».

Ред.

****) Далѣе слѣдовали зачеркнутыя потомъ слова: «повеже г. комендантъ ему запрещаетъ».

Ред.

въ качествѣ подчиненнаго къ полковнику, провозгласившему себя моимъ шефомъ. Объявилъ ему, что я помѣщенъ въ намѣстническое правленіе. А онъ мнѣ повторилъ тоже, что приказалъ чрезъ ординарца, и къ тому добавилъ: «пришлютъ мнѣ указъ, тогда и поѣдешь. Да и бывший твой начальникъ, маіоръ Вязмитиновъ, ничего мнѣ о тебѣ не сказалъ».

А я напротивъ, сообразя все, имѣлъ причину помыслить, что маіоръ Вязмитиновъ ему больше сказалъ, нежели ничего. Что же мнѣ предпринять? Думалъ писать партикулярно въ Могилевъ, или послать формальную просьбу о насильѣ къ коменданту указа. Но къ кому пошло и то и другое? Тамъ, предъ открытіемъ намѣстничества, всякой при своихъ суетахъ, и сама гурбернская канцелярія въ послѣднихъ конвульсіяхъ.

Находясь въ такихъ тѣсныхъ со всѣхъ сторонъ положеніяхъ, какъ грекъ *) въ Термопилахъ, что надлежало мнѣ предпринять?— Говорятъ, что человекъ есть чудная смѣсь и нескладаца заблужденій, ожесточеній, малодушія и упованія! Говорятъ, что сердце его имѣетъ собственную какую-то математику, которая также вѣрна, какъ и классическая. Я принявъ за основанія сіи мнѣнія, ну выть трехъ-тысяще-лѣтнее соло, которое послѣ Давида покутъ жида и христіяне: «Отецъ мой и мати моя остависта мѧ, и проч!» и которое въ сокровенности души**) не въ первой уже разѣ***) въ жизни случилось мнѣ возвывать! Таковъ для меня былъ остатокъ дня и ночь, а поутру винулся я къ воеводѣ Малѣеву. Онъ тоже собирался въ Могилевъ къ предназначенной ему должности. Выслушавъ меня, сказалъ онъ: «что-жъ, масло что-ли хочеть изъ тебя выжать Семень Карповичъ?» — такъ назывался мой шефъ.

Слово благодѣтельное и значущее много, слово сказанное при нуждѣ, чиновникомъ служившимъ, служащимъ и уважаемымъ отлично отъ начальства — оживотворило меня! Онъ написалъ чрезъ меня къ коменданту записку; комендантъ прочитавъ, сказалъ: «вотъ теперъ я вижу достовѣрное свидѣтельство, что вы опредѣлены въ намѣстническое правленіе, извольте ѣхать». Я сему декрету не меньше обрадовался, какъ полученію чина и

*) Зачеркнуто: «римлянинъ».

**) Зачеркнуто: «не единожды».

***) Зачеркнуто: «въ жизни мнѣ».

Ред.

Ред.

Ред.

мѣста. А комендантъ мой, взявъ меня дружески подъ плечо, походилъ со мною по горницѣ, поговорилъ, и просилъ, чтобъ я не оставлялъ его моими увѣдомленіями изъ Могилева, если бы что случилось достойное свѣдѣнія. И, во-первыхъ, увѣдомилъ-бы его тогда, когда придетъ графъ.

Не теряя времени, поблагодарилъ я г-на Малѣва и пустился подъ вечеръ въ Могилевъ на долгихъ, имѣя при себѣ вольнаго слугу *).

Майская пріятная вечерняя погода, при настоящемъ моемъ положеніи, удобна была произвести во мнѣ полное внутреннее удовольствіе, и заставить меня проходить мысленно важнѣйшія въ моей жизни мѣста, которыя, хотя и со мною вмѣстѣ, не слишкомъ громки на земномъ шарѣ, но меня они больше интересовали, нежели дѣйствія греческой и римской исторіи. Вслѣдствіе чего, покояся въ коляскѣ, философствовалъ я тако:

«Осиротѣлъ я пяти лѣтъ. Дѣдъ открылъ мнѣ путь въ азбуку, другой—научилъ читать и писать. Горькая его судьба таскала его изъ монастыря въ монастырь. Но для меня монастыри: Сѣвской, Столбовской и Радогужской были, съ помощью его, моею колыбелью, ежели можно такъ называть мѣста, не имѣющія нянекъ. Вездѣ въ нихъ, хотя сопровождала меня непрерывная бѣдность, а наука хотя ограничивалась чтеніемъ церковныхъ книгъ и писаніемъ исповѣдныхъ росписей, но въ тотъ вѣкъ лутче и полезнѣе для моего сиротскаго состоянія, нигдѣ ничего не было. Счастливы дѣтскія лѣты, коимъ не дано чувствовать въ полной мѣрѣ всего! Потомъ, сѣвскій архіерейскій домъ былъ уже для меня нѣкоторымъ степенемъ образованія. Тогда же, нужда и бѣдность моя ощутительно уменьшились. Второй сѣвскій архіерей Кириллъ Флоринскій посланъ для меня судьбою изъ Барышевки, чрезъ Кіевъ, Петербургъ, Новгородъ, Парижъ, Тверь

*) Все сіе проишествіе, смотря со стороны, кажется, не стоитъ того, чтобъ описаніемъ его заниматься, но мнѣ оно доходило до сердца: ибо, если бы я не ускорилъ въ губернской городъ, въ торжественному открытію намѣстничества, гдѣ всякой должностной долженъ быть при своемъ мѣстѣ, то вѣтъ ничего обыкновеннѣе, въ такихъ случаяхъ, какъ, подъ видомъ неавки моей къ должности, замѣстить ее другимъ. Послѣ чего я остался-бы съ чиномъ безъ патента и безъ службы, потому что патенты даются отъ сената, слѣдовательно къ полученію ихъ нужны были и время и служба; или бы—долженъ занимать при комендантѣ такое мѣсто, которое для меня хуже, нежели не имѣть никакого.

и Торжокъ, въ Сѣвскъ. Его даръ слова лаконической былъ первымъ въ мой слухъ удареніемъ. Онъ имѣлъ даръ*) въ короткихъ словахъ объяснять, просвѣщать, убѣждать, удивлять. Онъ познакомилъ меня съ Пиагоровою таблицею, которая открыла мнѣ таинство то**), что я не могъ бы познакомиться съ тройными, обратными, раздробленіями, товарищества, квадратами и кубиками, если бы не узналъ напередъ дважды два. Долговременная же переписка проповѣдей, и партикулярныхъ его въ разнымъ особамъ писемъ, и чтеніе отъ нихъ получаемыхъ имъ, а между тѣмъ, и собственныя по сей части упражненія, увѣряютъ меня, что я уже знаю больше, нежели тѣ, которые знаютъ меньше***). Классическія-же науки, преподанныя мнѣ моими дѣдами, каковы бы ни были, однакожь тѣмъ не меньше благодарность моя къ нимъ, потому, что они отдали мнѣ все, что имѣли и проч. и проч. Потомъ, взглянувши нечаянно на 1752 годъ, въ которомъ я родился... увидѣлъ его мысленно, вздохнулъ, поболѣлъ, что мнѣ уже кончилось 26 лѣтъ, а я только что начинаю считаться въ обществѣ людей! Но мысль, что я уже офицеръ 12-го класса, и мѣсто въ царской службѣ, меня снова успокоили. Мнѣ теперъ — размышлялъ я — остается только вести себя по службѣ и по нравственности такъ, какъ благородному, чтобы не дать причины подозрѣвать, что я вчера только сдѣлался благороднымъ ****),

*) Зачеркнуто: «объяснять».

Ред.

**) Зачеркнуто: «познавать».

Ред.

***) Зачеркнуто: «и проч., и проч.».

Ред.

****) Такъ я рассуждалъ въ тогдашній мой вѣкъ. Но въ дальнѣйшее теченіе жизни испыталъ, что доказательства благородства суть: 1-е) Французской языкъ, съ худшимъ выговоромъ, безъ знанія правилъ грамматики. 2-е) Карточная игра, съ хорошимъ, всякаго рода, обманомъ. 3-е) Танцы, съ объявленіемъ¹⁾ поединка за даму. 4-е) Стыдъ²⁾, говорить по-русски, и обязанность, не умѣть правильно читать и писать на своемъ языкѣ. 5-е) Презирать каждаго кромѣ себя и молодыхъ женщинъ. 6-е) Быть невѣжливо предъ старшими, и дерзновенну предъ начальниками. 7-е) Забыть скромность; стяжать многословіе, а въ поступкахъ наглость. 8-е) Говорить всегда тономъ рѣшительнымъ, а хотя и повелительнымъ. — Такихъ благовоспитанныхъ людей не всякой любить; но они вездѣ все скорѣе для себя сыщутъ. Можетъ-быть — скажутъ — я въ моей ремаркѣ изобразилъ превратно благородное воспитаніе. Не спорю, потому что нѣтъ ничего безъ исключенія.

Г. Д.

¹⁾ Зачеркнуто: «дуеля».

Ред.

²⁾ Зачеркнуто: «умѣть правильно чи».

Ред.

одѣться по приличію я въ возможности больше, нежели*) другіе мои будущіе сослужители могилевскіе. Могилевъ мнѣ уже знакомъ. Я видѣлъ тамъ людей приготовленныхъ ко вступленію въ должности; они для меня неопасные соперники. А далѣ, служба сама собою потечетъ, и отдастъ каждому принадлежащее. Между тѣмъ, я уже офицеръ въ такомъ классѣ, до котораго въ Сѣвскѣ и старики еще не дослужились. Надобно мнѣ отпроситься въ Сѣвскъ, и тамъ вторично обрадовать мать мою. Ежели тщету людскую обморочиваетъ**) наружность, то***) положенные по камзолу позументы, которыхъ еще въ Сѣвскѣ не видали, будутъ****) свидѣтелями моего достоинства». Словомъ: мечта гоняся за мечтою, убѣрили меня, что я еще никогда не бывалъ благополучнѣе; и, въ семь пріятномъ себя успокоеніи, я приказалъ ѣхать шагомъ и заснулъ.

Понеже я пишу мою исторію для собственнаго приведенія на память прошедшихъ лѣтъ моей жизни, и такихъ приключеній, которыя, сколь ни маловажны сами по себѣ, но сердцу или малодушію моему стоили много, то и долженъ сказать, по порядку повѣствованія, что пріятной мой сонъ прерванъ былъ самымъ лютѣйшимъ для меня ударомъ и не меньше смѣшнымъ для тѣхъ, которые могутъ убивать животныхъ. Меня разбудилъ, при восходѣ солнца, непрерывной крикъ дикой утки, но разбудилъ уже поздно. Слуга мой съ извозчикомъ объявили мнѣ, что утка эта пробиралась съ маленькими утенятами чрезъ дорогу, а они побили утенятъ и покляли въ ящикъ. Сіе варварство меня поразило. Я растерзанъ былъ зрѣлищемъ, какъ она около моей коляски летала, и чуть объ нея не билась, испуская жалобной непрерывной крикъ. Мнѣ казалось, что она, въ горести своей, справедливо меня упрекаетъ и жалуется, что я заснулъ для ея несчастья. Мнѣ казалось, что она, на своемъ языкѣ, изъяснялась: «люди твои кровопивцы, лишили меня дѣтей! Раздираютъ на медвѣя части мою утробу, и я, въ большому мученію, умереть не могу. Единое и наивеличайшее изъ утѣхъ, данное природою намъ бѣднымъ тварямъ, у меня уже отнято! Мнѣ не надобно ни

*) Зачеркнуто: «всѣ».

**) Зачеркнуто: «обольщаетъ надежда».

***) Зачеркнуто: «шпага и».

****) Въмѣсто зачеркнутаго: «обнаружить».

Ред.

Ред.

Ред.

Ред.

золото, ни чины. Тѣмъ ли я виновна предъ моими варварами, что не имѣю языка изъясниться, и не имѣю львиныхъ челюстей и когтей, чтобъ ихъ растерзать въ куски?»

Я столько пораженъ былъ жалостью, что не могъ людямъ моимъ ничего порядочнѣе связать, кромѣ, что: «вы изверги, вы канальи; такихъ должно съѣчь вnutомъ, которые, противъ закона Петра Великаго, бьютъ дичину, прежде Петрова дни».

Сострадая наимучительнѣйше несчастной утѣѣ, я почувствовалъ во внутренности *) ощутительную переимѣну, на подобіе вѣдликъ или конвульсій; и позабылъ, что въ Виселеемѣ, при самомъ основаніи нашего блаженства, 14 тысячъ невиннаго и едва существующаго человѣчества разтерзано передъ глазами матерей, ежели это правда. Я позабылъ, какъ, во время побѣга изъ Россіи шестьдесятъ тысячъ кибитокъ калмыковъ, конвоюющій маіоръ былъ ими заколотъ въ глазахъ жены; а жена, имѣя уже въ грудяхъ смертоносной кинжалъ, и забывая собственную мучительную смерть, простирала руки къ трилѣтнему своему сыну и кричала: «Иванюша! Иванюша!» видя въ послѣдній разъ, какъ его калмыки убивали объ колесо головою. Это самая истинна **). Я позабылъ даже и то славное дѣяніе, которымъ украсилъ свое царствованіе порфиросный христіанинъ Карлъ IX—въ XVI-мъ столѣтіи, въ ночь святаго Варооломея. Я позабылъ многія подобныя въ исторіи дѣянія, которыя обнаруживаютъ человѣка больше злымъ, нежели его участь на земномъ шарѣ. Несчастье, въ настоящемъ времени, при моей коляскѣ, утки съ утенятами, было для меня чувствительнѣе, нежели паденіе градовъ и царствъ отдаленныхъ временъ и мѣстъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Зачеркнуто: «нѣкотору».

***) «Самая истинна» написано сверхъ зачеркнутаго «не требуетъ подтвержденія».

Ред.

Ред.